Октябрь

Автор:
Чайна Мьевиль

Октябрь

Чайна Мьевиль

Большая фантастика

Новая книга Мьевиля посвящена осмыслению событий Великой Октябрьской социалистической революции в России. Драма, разыгравшаяся в 1917 году, повлияла на всю мировую историю, ведь буквально за несколько месяцев на карте мира возникло первое социалистическое государство. Исследуя это невероятное преобразование, автор не просто перечисляет сухие факты, но рассказывает неискушенному читателю захватывающую историю, полную интриг и страстей, надежд и предательств, вдохновения и отчаяния.

Чайна Мьевиль

Октябрь

China Mieville

OCTOBER

Copyright © China Mieville 2017

© Мовчан А., Федюшин В., Белякова Т., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Посвящается Гурру

«……

……»

Н. Г. Чернышевский, «Что делать?»

Введение

В разгар Первой мировой войны, когда растерзанная Европа истекала кровью, одно из американских издательств выпустило получившую широкую известность книгу Александра Корнилова «Современная российская история». Корнилов, либеральный ученый и общественный деятель, завершил свой труд в 1890 году, но специально для этого издания на английском языке, увидевшего свет в 1917 году, его переводчик, Александр Каун, актуализировал текст. Завершающий абзац книги в переводе Кауна начинается с грозного предостережения: «Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что существующему порядку вещей предстоит исчезнуть».

И этот порядок действительно исчез – как и было предсказано. В этот бурный, удивительный по насыщенности историческими событиями год Россия была потрясена и сокрушена даже не одним, а сразу двумя восстаниями, двумя

сумбурными политическими переворотами, двумя государственными трансформациями. Сначала, в феврале, было свергнуто самодержавное правление, державшееся почти полтысячелетия. Затем, в октябре, произошли события с гораздо более важными последствиями, крайне трагическими и сильно повлиявшими на дальнейшее развитие мира.

Период с февраля по октябрь 1917 года представлял собой непрерывную борьбу за власть, в эти месяцы сжималась пружина истории. До сих пор не стихают споры насчет того, что же тогда произошло и как оценивать произошедшее. Февральская и прежде всего Октябрьская революции уже давно стали призмами, сквозь которые рассматривается любая политическая борьба за свободу.

Уже стало традицией, сочиняя произведение на историческую тему, отрекаться от химерической «объективности», интерес к коей ни один автор не хочет или не способен поддерживать. Я следую этой традиции. Если же я ее нарушил, то, надеюсь, пусть догматически, пусть слепо, я все же остался ее сторонником. В этой книге есть злодеи и герои. Не пытаясь выглядеть беспристрастным, я старался быть честным – и рассчитываю, что для читателей с различными политическими взглядами мой рассказ окажется полезным.

О русской революции написано много, и многие из этих произведений просто превосходны. Хотя моя книга основана на документальных материалах, она не претендует на роль исчерпывающего научного исследования. Это, скорее, краткое введение для тех, кто интересуется увлекательными историческими сюжетами, кто жаждет оказаться во власти ритмов революции. По сути, это художественное произведение. 1917 год представляет собой захватывающий роман, он полон исторических событий, надежд, предательств, невероятных совпадений, войн и интриг. Он соткан из мужества, трусости и глупости, из фарса, безрассудства и человеческих трагедий, из непомерных амбиций и эпохальных перемен, из ослепительного света, стали и теней, из дорог и поездов.

В самой «русскости» словно уже есть что-то опьяняющее тех, кто думает о России. Снова и снова споры об историческом пути страны (особенно между теми, кто не является русским по национальности, но иногда и между самими русскими) сворачивают к сентиментальному традиционализму, к неизъяснимой Русской Душе, этой «вещи-в-себе». Бесконечно печальная, непостижимая, многострадальная Россия-матушка… Как пишет Вирджиния Вулф в своем

фантастическом романе «Орландо», здесь «закаты медлят… не ошарашивает вас своей внезапностью рассвет, и фраза часто остается незавершенной из-за сомнений говорящего в том, как бы ее лучше закруглить»[1 - Пер. Е. Суриц.].

Это не дело. Вряд ли могут быть сомнения в том, что у России – свой, особый исторический путь, что этим можно объяснить русскую революцию (правда, поверхностно). Пусть так; но нужно учитывать эти особенности, не забывая о главном: о всемирно-исторических причинах и последствиях политического переворота, произошедшего в России.

Поэт Осип Мандельштам в стихотворении, посвященном событиям 1917 года, говорит о «сумерках свободы». Сумерки предвещают наступление ночи, но есть и предрассветные сумерки. В этой связи переводчик Борис Дралюк задавался вопросом: что? Мандельштам предлагает восславить, «угасающий свет свободы или ее первый слабый проблеск»?

Вероятно, правильнее вести речь не о медлящих закатах и рассветах, не ошарашивающих своей внезапностью, а о сумерках. Нам всем знакомо сумеречное состояние, и мы еще будем погружаться в него. Сумерки бывают не только в России.

Да, это русская революция, но она имела и имеет отношение не только к России. Она вполне может стать общим достоянием. И коль скоро ее фразы остаются незавершенными, от нас зависит, как лучше их закруглить.

Замечание о датах

Для исследователя русской революции в буквальном смысле «порвалась дней связующая нить»[2 - Выражение из «Гамлета»; пер. Б. Пастернака.]. До 1918 года в России использовался юлианский календарь, который отставал на тринадцать дней от современного григорианского. Поскольку действующие лица этой книги использовали именно юлианский календарь, пользуюсь им и я. В некоторых работах можно прочитать, что Зимний дворец был взят 7–8 ноября 1917 года. Однако те, кто его брал, делали это 25–26 октября по своему календарю, и именно слово «Октябрь» перестало быть просто названием месяца, превратившись в лозунг. Поэтому, что бы ни утверждал григорианский

календарь, эта книга – об Октябре.

Глава 1

Предыстория событий 1917 года

Человек стоит на продуваемом ветром острове, глядя в небо. Он плотно сложен, силен и чрезвычайно высок, порывы майского ветра треплют на нем добротную одежду. Он не обращает внимания на плеск Невы, на кустарник и зелень прибрежной топи. С его плеча свисает ружье, над ним парит орел. Человек с восторгом всматривается в даль.

Петр Великий, всесильный правитель России, как зачарованный долгое время наблюдает за орлом. Он восхищен его полетом.

Наконец он резко поворачивается и втыкает во влажную землю штык. Он проводит клинком сквозь грязь и корни, вырезая сначала одну, а затем вторую длинную полосу дерна. Он отряхивает их от земли и перетаскивает, пачкаясь в грязи, на то место, над которым парит орел. Там он выкладывает из полос дерна крест и кричит во все горло: «Здесь будет город заложен!» Так в 1703 году на Заячьем острове в Финском заливе, на земле, отвоеванной у Швеции в Северной войне, царь повелел построить большой город, названный в честь его святого покровителя, городом святого Петра, Санкт-Петербургом.

И этого никогда не было. Ничего такого царь не делал.

Эта история – стойкий миф о том, что Федор Достоевский назвал «самым отвлеченным и умышленным городом на всем земном шаре». Но хотя Петр Первый и не присутствовал на месте основания Санкт-Петербурга в день закладки, тот был построен в соответствии с его мечтой, вопреки логике и здравому смыслу, на кишащем комарами берегу балтийского залива, в зоне затопления, которая весь год продувается штормовыми ветрами, а зимой сковывается жестокими морозами.

Сначала царь руководил строительством Петропавловской крепости, обширным сооружением в виде звезды, которое покрыло небольшой остров, чтобы при необходимости отразить ответное нападение шведов, так никогда и не состоявшееся. Затем Петр Первый распорядился построить у стен крепости в соответствии с последними проектами большой порт. Это станет его «окном в Европу».

Петр Первый был фантазером, и весьма жестким при этом. Он являлся современно мыслящим деятелем, презрительно относившимся к елейной «славянской замшелости» России. И если древняя Москва представляла собой живописный хаотичный клубок улиц в псевдовизантийском стиле, то в отношении Санкт-Петербурга Петр Первый указал, что он должен быть построен рационально, по прямым линиям, с изящными очертаниями грандиозного масштаба, широкими горизонтами, каналами, пересекающими проспекты города, с многочисленными величественными дворцами в классицистском стиле или сдержанном барочном – это был решительный отход от традиций и архитектуры куполов-луковок. По этому новому образу и подобию Петр Первый был намерен перестроить всю Россию.

Царь нанял иностранных архитекторов, велел внедрить европейский стиль, настоял на том, чтобы при строительстве был использован камень. Он в приказном порядке заселил свой город, распорядившись о переезде купцов и дворян в зарождавшуюся метрополию. Первые годы по недостроенным улицам Санкт-Петербурга по ночам бродили волки.

Улицы города были проложены, болота осушены, колоннады на бывшей трясине возведены тяжким принудительным трудом. Десятки тысяч крепостных и каторжников были под конвоем согнаны на земли, определенные Петром к застройке. Они закладывали фундаменты зданий в непролазной грязи и умирали в огромных количествах. Под городом осталось лежать сто тысяч трупов. Санкт-Петербург станет известен как «город на костях».

В 1712 году в качестве решительного шага против презираемого московского прошлого Петр сделал Санкт-Петербург столицей России. В течение следующих двух столетий с небольшим именно здесь будут происходить наиболее важные политические события. Москва, Рига, Екатеринбург и все остальные города и обширные губернии Российской империи также будут играть заметную роль, и их историей нельзя пренебрегать, однако именно Санкт-Петербург станет горнилом обеих революций. История 1917 года с ее долгой предысторией – это

прежде всего история его улиц.

* * *

Россия, где слились европейские и восточнославянские традиции, в течение длительного времени формировалась на отвале, который, по словам одного из главных героев 1917 года Льва Троцкого, оставили «западные варвары, поселившиеся на развалинах римской культуры. На протяжении веков князья и цари торговали и вели войны с кочевниками восточных степей, монголами и Византией. В шестнадцатом веке великий князь Московский Иван IV, прозванный впоследствии Грозным, завоевав территории на востоке и на севере, стал «царем всея Руси», правителем громадного и весьма разношерстного царства. Он сплотил Московское государство под властью безжалостного самодержавия. Несмотря на лютые методы правления, здесь периодически вспыхивали бунты и мятежи – они всегда вспыхивают. Некоторые (например, Пугачевское восстание казаков и примкнувших к ним крестьян в восемнадцатом веке) являлись движением народных масс. Сопровождавшиеся большой кровью волнения кроваво же подавлялись.

После того как Иван Грозный отошел к праотцам, началась династическая свистопляска. Она продолжалась до тех пор, пока бояре и православное духовенство не избрали в 1613 году на царство Михаила Романова, положив тем самым начало династии, правившей до 1917 года. В указанном столетии положение мужика, русского крестьянина, было определено жесткой системой феодального крепостничества. Крепостные прикреплялись к имению (поместью), владелец которого (помещик) обладал практически безграничной властью над своими крестьянами. Крепостных часто передавали, и при этом их личное имущество, а также их семьи могли оставаться у первоначального владельца.

Это был суровый и весьма живучий институт. Крепостное право сохранялось в России и в XIX веке, когда Европа уже отказалась от него. Историй невероятных притеснений крестьян не счесть. «Модернисты», западники, считали крепостное право позорным тормозом прогресса, а их оппоненты из числа «славянофилов» осуждали этот институт как западное изобретение. Они сходились в том, что с крепостничеством следует покончить.

Наконец в 1861 году Александр II, «царь-освободитель», снял с крепостных зависимость от землевладельцев, отменив крепостное право; крестьяне перестали быть собственностью. Несмотря на то что реформаторы в России очень плохо относились к жестокому обращению с крепостными, отнюдь не добросердечие сподвигло их на этот шаг. Решающим фактором стала обеспокоенность волной крестьянских выступлений и бунтов, и именно острота ситуации способствовала принятию соответствующего решения.

Сельское хозяйство и промышленность находились в застое. Крымская война 1853–1856 годов с Британией и Францией выявила отставание России во многих областях, военное поражение унизило страну. Стала очевидной насущная необходимость модернизации и либерализации Российской империи. Именно по этой причине возникли «великие реформы» Александра II, которые означали радикальные трансформации в армии, системах образования и правосудия, ослабление цензуры, передачу части власти органам местного самоуправления. Но ключевым элементом «великих реформ» была отмена крепостного права.

Однако освобождение крестьян носило весьма ограниченный характер. Выходящие из крепостной зависимости крестьяне получали не всю ту землю, где раньше работали, а лишь надел, за который они должны были отбывать барщину либо платить абсурдный оброк. Надел средней величины был слишком мал для пропитания крестьянской семьи (поэтому крестьяне постоянно голодали), и его размеры сокращались по мере роста населения. Крестьяне по-прежнему оставались ущемленными в правах. Теперь они были привязаны к деревенской общине, миру, однако нищета вынуждала их к сезонному труду на различных строительных работах, в горнорудном деле, в промышленности и в торговле, как на законных основаниях, так и нелегально. Они пополняли небольшой, но постоянно растущий рабочий класс страны.

Не одни цари мечтают о процветающих царствах. Как и все угнетенные народные массы России, русские крестьяне представляли себе утопические страны, где можно отдохнуть от непосильного труда. В народных преданиях рассказывалось о легендарной стране свободы Беловодье, о невидимом граде Китеже, погрузившемся в воды озера Светлояр. Иногда озадаченные исследователи принимались за конкретные поиски тех или иных волшебных земель, но крестьяне предпочитали прибегать к иным методам: в конце девятнадцатого века по всей России прокатилась волна крестьянских выступлений.

Под влиянием инакомыслящих писателей (таких, как Александр Герцен, Михаил Бакунин, язвительный Николай Чернышевский) сформировалось движение народников, радетелей за народ. В таких обществах народников, как, например, «Земля и воля», состояли в основном люди из нового слоя просветителей с мессианским мироощущением – это были представители интеллигенции, где все увеличивалась доля простолюдинов.

«Человек будущего в России – мужик», – утверждал Александр Герцен в начале 1850-х годов. Историческое развитие страны шло медленно, либеральное движение было слабым, и народники не обращали внимания на города, думая о крестьянской революции. В российской крестьянской общине они видели зачаток, основу аграрного социализма. Мечтая воплотить в жизнь свои надежды, тысячи молодых радикалов шли «в народ», чтобы учиться у крестьянства, трудиться вместе с ним, повышать сознательность этого темного класса.

Немного горького юмора: когда народников в массовом порядке арестовывали, зачастую это происходило по просьбе самих же крестьян.

Один из деятелей народничества, Андрей Желябов, сделал следующий вывод: «История движется ужасно тихо, надо ее подтолкнуть». Другие народники также были убеждены в необходимости ускорить ход истории, для чего считали возможным прибегнуть к насильственным методам.

В 1878 году Вера Засулич, радикально настроенная молодая студентка из обедневшей дворянской семьи, серьезно ранила из револьвера петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, которого многие российские интеллигенты ненавидели за то, что он приказал выпороть не проявившего к нему должного почтения заключенного. Суд присяжных нанес неожиданный удар режиму, оправдав Засулич, которая после своего освобождения бежала в Швейцарию.

В следующем году в результате раскола общества «Земля и воля» появилась новая организация – «Народная воля», уже более боевая. Входившие в нее ячейки верили в необходимость революционного насилия и были готовы действовать соответствующим образом. В 1881 году после нескольких неудачных попыток они добились желанной цели.

В первое воскресенье марта, когда царь Александр II направлялся в Санкт-Петербургскую академию верховой езды, молодой член «Народной воли» Николай Рысаков бросил в бронированную царскую карету бомбу, завернутую в платок. Раздался оглушительный взрыв. Среди криков раненых зевак царская карета дернулась и остановилась. Александр II, пошатываясь, вышел; вокруг царил хаос. Пока он раздумывал, что ему делать, товарищ Рысакова, Игнатий Гриневский, выступил вперед и бросил вторую бомбу, крикнув при этом: «Еще слишком рано благодарить бога!»

Прогремел еще один мощный взрыв. «Среди снега, мусора и крови, – вспоминал впоследствии кто-то из царской свиты, – виднелись остатки изорванной одежды, эполет, сабель и кровавые куски человеческого мяса». «Царя-освободителя» разорвало.

Для радикалов это была пиррова победа. Новый царь, Александр III, более консервативный и не менее авторитарный, чем его отец, развязал жестокие репрессии. Он разгромил «Народную волю», казнив множество ее членов, реорганизовал политическую полицию, пресловутую охранку, известную своими жесткими методами. В условиях наступившей реакции проходили организованные беспорядки, известные как «еврейские погромы». Евреи в России представляли собой угнетенное меньшинство, с которым обращались с крайней жестокостью. Они были серьезно поражены в правах. Так, им разрешалось проживать только в пределах черты оседлости на Украине, в Польше, на западе российской части империи и в некоторых других районах (хотя допускались и некоторые исключения). Евреи уже давно по традиции являлись «козлами отпущения» при возникновении в стране кризисных обстоятельств (в общем-то, они и являлись таковыми всякий раз). Теперь те, кто обвинял их во всем подряд, обвинили их в смерти царя.

Народники, оказавшись в сложной ситуации, решили ответить новыми террористическими акциями. В марте 1887 года полиция Санкт-Петербурга смогла выявить подготовку покушения на Александра III. Были повешены пять зачинщиков из числа студентов, в том числе сын инспектора народных училищ в Поволжье, яркий, преданный революционному делу молодой человек, звавшийся Александр Ульянов.

В 1901 году, через семь лет после смерти (по естественным причинам) жестокого и властного Александра III и восшествия на трон его сына и верного

продолжателя Николая II, произошло слияние нескольких народнических организаций в рамках немарксистской аграрной социалистической платформы (хотя некоторые из этих организаций считали себя марксистскими), основанной на тезисе об особом пути развития России и сосредоточенной на крестьянском вопросе. Новая структура стала называться Партия социалистов-революционеров, или эсеров. Вновь созданная партия сохранила установку на насильственную борьбу. Спустя время вооруженное крыло эсеров, их боевая организация не колеблясь продолжила акции, которые даже сторонники эсеров называли «террористическими».

По злой иронии одного из руководителей эсеров, незаурядного партийного лидера Евно Азефа, который несколько лет руководил деятельностью БО, через десяток лет разоблачили как тайного агента охранки, что стало сокрушительным ударом по боевой организации. Спустя несколько лет, в переломные моменты революционного 1917 года, другие два руководителя эсеров, Екатерина Брешко-Брешковская и Виктор Чернов (главный теоретик партии), станут заметными фигурами среди самозабвенных сторонников порядка – режима Временного правительства.

* * *

В последние годы девятнадцатого века в России были выделены существенные средства на развитие инфраструктуры и промышленности, в том числе на реализацию масштабной программы строительства железных дорог. Многочисленные строительные бригады прокладывали железнодорожные пути через всю страну, объединяя обширные пространства империи. Создавалась, в частности, Транссибирская железнодорожная магистраль. «Со времени появления Великой Китайской стены мир еще не видел строительства подобного масштаба», – не скрывал своего восхищения сэр Генри Норман, британский свидетель строек. Николай II считал создание этого транзитного маршрута между Европой и Восточной Азией своим «священным долгом».

Стремительно росла численность городского населения России. Отмечался приток иностранного капитала в страну. В районе Санкт-Петербурга, Москвы, на украинском Донбассе возникали крупные предприятия. Тысячи рабочих стремились выжить, трудясь в нечеловеческих условиях на заводах и фабриках при полном безразличии к ним владельцев предприятий, и первые робкие шаги делало рабочее движение. В 1883 году молодой Георгий Плеханов, позднее

основной теоретик социализма в России, вместе с легендарной Верой Засулич (покушавшейся на жизнь Ф. Ф. Трепова) основал в Женеве первую российскую марксистскую организацию, «Освобождение труда».

Вслед за этим в России появилось множество кружков, в которых читалась революционная литература, агитационных ячеек, собраний различных единомышленников, протестовавших против безжалостного мира капитала, его эксплуататорской сущности, против подчинения всего прибыли. Будущее, к которому стремились марксисты (коммунизм), их противникам представлялось таким же абсурдом, как, к примеру, созданная воображением крестьян сказочная страна Беловодье. Согласно марксистской идеологии, в будущем не станет места частной собственности и связанному с ней насилию, эксплуатации и отчуждению, современные технологии сократят время и интенсивность человеческого труда, будут созданы все условия для расцвета человечества. По утверждению Карла Маркса, «при коммунизме… начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы». Вот чего хотят марксисты.

Марксисты представляли собой компанию эмигрантов, ученых и рабочих, грешников, связанных семейными, дружескими и интеллектуальными, политическими узами и постоянно полемизирующих. Они сплелись в клубок противоречий, каждый знал каждого.

В 1895 году в Москве, Киеве, Екатеринославе, Иваново-Вознесенске и Санкт-Петербурге была создана политическая организация «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В столице России основателями этой организации явились молодые марксисты Юлий Цедербаум и его друг Владимир Ульянов, брат Александра Ульянова, студента-народника, казненного восемь лет назад. В то время было принято брать политические псевдонимы, поэтому Цедербаум, младший из двух, с тощей фигурой, жидкой бородкой и в пенсне, назвался Мартовым. Владимир Ульянов, бойкий, преждевременно лысеющий молодой человек с запоминающимся прищуром, стал известен как Ленин.

Мартову, русскому еврею, родившемуся в Константинополе, в то время было двадцать два года. По выражению одного из коллег по левому лагерю, это был «довольно очаровательный представитель богемы… со склонностями завсегдатая кафе, безразличный к комфорту, постоянно спорящий и слегка эксцентричный». Слабый и постоянно кашляющий, весьма подвижный,

разговорчивый, но безнадежный как оратор, впрочем, как и организатор, хоть и способный произвести сильное впечатление, Мартов в первые времена рабочего движения представлял собой образчик рассеянного, погруженного в свои мысли интеллектуала. Однако мысли, в которые он был погружен, заслуживали всяческого уважения. И хотя его действия пока не простирались дальше межфракционных сражений, типичных для формирующихся политических движений, он был известен даже среди идеологических противников своей честностью и искренностью. Многие его уважали. И даже любили.

Что же касается Ленина, то все, кто его встречал, были буквально зачарованы им. Кажется, ни о ком не писали так много, как о нем: из подобных книг можно составить библиотеку. Его с легкостью мифологизируют, боготворят, демонизируют. Для своих врагов он хладнокровный виновник массовых убийств, для сторонников – богоподобный гений; для товарищей и друзей – застенчивый, смешливый любитель детей и кошек. Склонный к выстраиванию четких фраз и использованию несколько неуклюжих метафор, он был скорее автором доступных текстов, чем искрометным художником слова. Однако его работы и выступления завораживают, даже пронзают своей поразительной плотностью и сосредоточенностью. На протяжении всей жизни Ленина его противники и соратники будут резко критиковать его за суровость избранных методов политической борьбы, бескомпромиссность и жесткость на грани безжалостности. При этом все сойдутся во мнении, что он обладал удивительной силой воли. Ленинская страсть и самопожертвование выделялись даже на фоне тех, кто посвятил жизнь политическим идеям, готовясь умереть за них.

Его отличали прежде всего обостренное чутье на политический момент и способность всегда находить выход. Луначарский отмечал, что «Ленин имеет в себе черты гениального оппортунизма, то есть такого оппортунизма, который считается с особым моментом и умеет использовать его в целях общей всегда революционной линии».

Нельзя утверждать, что Ленин никогда не ошибался. Он, однако, обладал развитым чувством того, когда и где следует подтолкнуть события, как именно и с какой силой это сделать.

В 1898 году, на следующий год после ссылки Ленина в Сибирь за революционную деятельность, марксисты объединились в Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП). В течение нескольких лет, несмотря

на ссылку, Мартов и Ленин оставались близкими товарищами и друзьями. Совершенно разные по характерам (что предполагало неизбежные ссоры), они тем не менее дополняли друг друга и симпатизировали один другому. Это была пара марксистских вундеркиндов.

От Карла Маркса, какими бы ни были их различия с ним по другим положениям, идеологи РСДРП переняли установку видеть в истории череду последовательных фаз, необходимо идущих одна за другой. Такие концепции могут существенно варьироваться в деталях – Карл Маркс сам выступал против превращения своего «исторического очерка» о возникновении капитализма в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому обречены идти все народы; он заявил, что это было бы для него «слишком почетно и стыдно одновременно». Тем не менее среди большинства марксистов в конце девятнадцатого века не вызывало споров то, что социализм, следующий после капитализма этап на пути к коммунизму, может возникнуть только из буржуазного порядка с его особыми политическими свободами и рабочим классом, которому предстоит взять власть в свои руки. Отсюда следовало, что самодержавная Россия, где преобладало крестьянское население, а рабочий класс был весьма незначительным (и в основном состоял из крестьян только что от сохи), где процветало помещичье землевладение и самодержавие, еще не созрела для социализма. Как выразился Плеханов, в российском крестьянском тесте было еще недостаточно пролетарских дрожжей, чтобы приготовить пирог социализма.

Память о крепостном праве еще жила. Буквально в нескольких километрах от городов крестьяне продолжали жить в средневековом убожестве. Зимой они держали животных в избах, и те претендовали на место у печи. Стоял запах пота, табака и гари. Какие бы улучшения в стране ни происходили, многие крестьяне по-прежнему ходили босиком по грязным улицам, и уборными им служили ямы. Все дела, относившиеся к пользованию землей, решались на беспорядочных общинных сходах исключительно путем перекрикивания друг друга. Нарушителей общепринятых обычаев заглушали криками и шумом, зачастую их прилюдно позорили, а иногда и забивали до смерти.

Но было кое-что и похуже.

Согласно восторженным декламациям Карла Маркса и Фридриха Энгельса в «Манифесте Коммунистической партии», именно «буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль. Она… разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые

феодальные путы» и, сосредоточив пролетариат на крупных предприятиях, создала тем самым «своих собственных могильщиков». Однако в России буржуазия не являлась ни безжалостной, ни революционной. Она не разрывала никаких пут. В программном документе РСДРП было записано: «Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия и тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата».

Автор этих слов, Петр Струве, вскоре повернет вправо. В России такие (так называемые легальные) марксисты часто через марксистскую идеологию окольным путем шли в либералы; их внимание плавно перемещалось с нужд рабочего класса к необходимости «модернизации» капитализма (чего трусливая российская буржуазия никак не могла осуществить). Еще одной «ересью» являлся «экономизм», согласно которому рабочие должны сосредоточиться на профсоюзной деятельности, предоставив право заниматься политикой либералам, борющимся за их права. Ортодоксальные марксисты осудили упомянутые еретические расхождения с их идеологией, расценив их как направленные на подрыв социалистической борьбы. Тем не менее «легальные» марксисты и сторонники «экономизма», невзирая на очевидную неэффективность их концепций, сосредоточились на рассмотрении текущих ключевых вопросов. И столкнулись с головоломкой для левых: как вообще может существовать социалистическое движение в незрелой стране со слабым и маргинальным капитализмом, многочисленным отсталым крестьянством и монархическим режимом, который не имеет совести претерпеть буржуазную революцию?

* * *

В конце девятнадцатого века империя особенно активно стала утолять свою страсть к расширению. Колониально-верноподданнические настроения в стране проявлялись в безусловной поддержке языка и культуры правящих российских элит и наступлении на права меньшинств. Ряды националистов и левых пополнялись коренными народами и народностями: литовцев, поляков, финнов, грузин, армян, евреев. Социалистическое движение в Российской империи всегда являлось многонациональным, полиэтническим, вобрав непропорционально большую долю представителей различных меньшинств.

Начиная с 1894 года вавилонским столпотворением империи правил Николай Романов. В юности Николай II стоически переносил издевательства своего отца. Вступив на престол, он отличался учтивостью, был предан своему долгу – больше о нем было нечего сказать. «Его лицо, – неохотно сообщает один чиновник, – невыразительно». Для него было характерно не наличие черт, а их отсутствие: отсутствие выражения на лице, воображения, интеллекта, проницательности, напористости, решительности, душевных порывов. К этому описанию можно добавить еще то, что он производил впечатление «постороннего», брошенного на произвол судьбы и плывущего, куда не несет история. Он был образованной пустышкой, заполненной предрассудками своего окружения (среди которых следует отметить и антисемитизм, допускавший еврейские погромы и направленный, в частности, против жидов-революционеров). Испытывая отвращение к каким-либо переменам, он был беззаветно предан идее самодержавия. При произнесении слова «интеллигенция» его лицо искажалось, словно он был вынужден произнести слово «сифилис».

Его супруга, Александра Федоровна, внучка английской королевы Виктории, была крайне непопулярна в российском обществе. В какой-то степени это объяснялось шовинизмом (в конце концов, она была немкой, а между двумя странами в тот период нарастала напряженность), но такая ситуация сложилась также в результате ее безрассудных интриг и явного презрения к русскому народу. Французский посол в России Морис Палеолог кратко описал ее следующим образом: «Душевное беспокойство, постоянная грусть, неясная тоска, смены возбуждения и уныния, навязчивая мысль о невидимом и потустороннем, суеверное легковерие».

У Романовых было четыре дочери и сын Алексей, больной гемофилией. Они были дружной, любящей семьей. Принимая во внимание упорное стремление царя и царицы не видеть дальше своего носа, они были обречены.

* * *

С 1890 по 1914 год масштабы рабочего движения в России существенно выросли, само движение окрепло. Для борьбы с ним власти прибегали к совершенно бездарным методам. Так, например, в городах растущее народное недовольство пытались сдержать путем создания легальных профсоюзов, рабочих обществ, подконтрольных полиции. Чтобы обеспечить идее хоть какую-то

привлекательность, общества эти должны были действительно решать насущные проблемы рабочих, а их организаторы должны были, по выражению историка-марксиста Михаила Покровского, являться «хоть каким-то подобием революционных агитаторов». Требования, которые предъявляли эти общества власти, являлись лишь слабым эхом рабочих призывов, но и в слабых отголосках можно было разобрать идеи, последствия применения которых нельзя предвидеть.

В 1902 году забастовка, организованная подобным профсоюзом в Одессе, охватила весь город. На следующий год аналогичные массовые акции протеста распространились по всему югу России, и отнюдь не все они контролировались марионеточными структурами, созданными властями. Забастовки распространились с бакинских нефтяных месторождений по всему Кавказу. Искры восстания разгорались в Киеве, в той же Одессе, в других городах. К этому времени забастовщики стали выдвигать не только экономические, но и политические требования.

Во время этого неуклонного ускорения развития событий, в 1903 году, сильные мира российских марксистов в количестве пятидесяти одного человека в самый разгар принципиально важной встречи перенесли ее из кишащего грызунами брюссельского амбара в Лондон. Там, в тех закусочных и кафе, где не толпились члены рыболовных клубов, в течение трех недель вели споры делегаты II съезда РСДРП.

Именно на двадцать втором заседании этого съезда между его делегатами разверзлась пропасть, произошел раскол, знаменательный не только по своей глубине, но и по кажущейся тривиальности причины. На рассмотрение участников съезда был вынесен вопрос: кто может считаться членом партии, «всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций», или «принимающий личное участие в одной из партийных организаций». Мартов выступал за принятие первой формулировки. Ленин настаивал на второй.

Отношения между ними уже охладились некоторое время назад. На этот раз после энергичных дебатов победил Мартов: за его формулировку проголосовали 28 делегатов, против – 23 делегата. Однако разногласия между участниками съезда возникли и по другим вопросам, и к тому времени, когда стал рассматриваться вопрос об органах партийного руководства, съезд покинули

представители Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России) и марксисты-«экономисты». Мартов потерял восемь своих сторонников. В результате сторонники Ленина получили большинство на выборах в ЦК партии. С этого момента раскола российских марксистов на две основные фракции последователей Ленина стали называть большевиками, а их оппонентов, последователей Мартова, – меньшевиками.

Причины раскола были гораздо глубже, чем разногласия по поводу условий членства в партии. Уже во время съезда Ленин называл своих сторонников «твердыми», а противников – «мягкими», и различие между партийными фракциями марксистов впредь сохранится в целом именно по указанному принципу: большевиков будут считать «твердыми», бескомпромиссными левыми, а меньшевиков – более умеренными, «мягкими» (хотя это не исключало возможного диапазона мнений у каждой стороны и неизбежной эволюции этих мнений). В основе же спора о партийном членстве – в духе мудреной моды того времени, порой непонятной даже Ленину, – лежал различный подход к политической сознательности, методам ведения агитации, определению рабочего класса, в конечном счете к истории и российскому капитализму. Спустя четырнадцать лет эти разногласия обозначатся предельно четко, когда проблемы централизованного партийного управления рабочим классом выйдут на первый план.

В то время реакция со стороны Мартова последовала быстро: решения съезда в Лондоне были отменены, а Ленин в конце 1903 года был выведен из редакции партийного издания «Искра». Однако многие активисты РСДРП, зная о расколе в партии по вопросу членства, считали его полным абсурдом. При этом некоторые просто игнорировали его. «Не знаю уж, – писал один рабочий Ленину, – неужели этот вопрос так важен?» По мере развития событий меньшевики с большевиками то укрепляли свое условное единство, то отказывались от него. Большинство членов партии вплоть до 1917 года считали себя просто «социал-демократами». Но и в семнадцатом Ленину потребовалось время, чтобы убедить себя: пути назад уже нет.

Россия смотрела на Восток, вдаваясь в Азию, цепляясь за Туркестан и Памир, и также за Корею. Продолжая при сотрудничестве с Китаем строить Транссибирскую железную дорогу, страна повышала риск конфликта с Японией, у которой были аналогичные экспансионистские планы. «Чтобы удержать революцию, – говорил министр внутренних дел России В. П. Плеве, – нам нужна маленькая победоносная война». Что могло быть лучше для шовинистов, чем

«низшая раса», такая, например, как японцы, которых сам царь Николай II называл «обезьянами»?

Началась Русско-японская война 1904 года.

Императорский режим, обманывая сам себя, был настроен на легкую победу. Однако его армия была слабо обучена, плохо вооружена – и, как результат, была в августе 1904 года разгромлена при Ляояне, в январе 1905-го – в Порт-Артуре, в феврале 1905-го – при Мукдене, а в мае 1905-го – в Цусимском сражении. К осени 1904 года даже боязливая либеральная оппозиция подняла голос протеста. После поражения при Ляояне журнал «Освобождение», который шесть месяцев назад восклицал: «Да здравствует армия!», осудил военный экспансионизм. Через местные органы самоуправления, земства, либералы организовали банкетную кампанию – щедрые ужины, которые завершались критическими пожеланиями реформировать существующую систему власти. Это было пассивно-агрессивным проявлением политической активности. На следующий год антирежимная оппозиция активизировалась настолько, что Николай II был вынужден пойти на уступки. Однако волна антирежимных выступлений продолжалась вне зависимости от деятельности либералов и охватила как крестьянство, так и рабочий класс.

В Санкт-Петербурге одно из полицейских «социалистических обществ», «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», возглавлял бывший священник при тюремной церкви пересыльной тюрьмы Георгий Гапон, весьма неординарная личность. По выражению Надежды Крупской, большевички, жены Ленина, этот человек с суровыми чертами лица «по натуре был не революционером, а хитрым священником… готовым на любые компромиссы». Отец Гапон тем не менее был настоятелем сиротского приюта, пропагандируя толстовские идеи о необходимости заботы о бедных. Его теологические теории и проекты – религиозно-этические, пронизанные мистикой и реформистскими настроениями одновременно, – были хаотичными, но искренними.

В конце 1904 года были уволены четверо рабочих крупного Путиловского металлургического и машиностроительного завода, на котором работало более 12 000 человек. На собраниях в поддержку уволенных, организованных их товарищами по работе, ошеломленный отец Гапон обнаружил листовки, призывавшие к свержению царя. Он порвал их, поскольку подобные призывы не входили в его задачу. Наряду с этим петицию рабочих, призывающую к

восстановлению уволенных, он дополнил требованиями повысить заработную плату, улучшить условия труда, ввести восьмичасовой рабочий день. Левые радикалы добавили в петицию также требования, выходившие за рамки экономических требований: это были требования свободы собраний и печати, отделения церкви от государства, прекращения Русско-японской войны, созыва Учредительного собрания.

3 января 1905 года была объявлена всеобщая забастовка. Очень скоро на улицы вышло от 100 000 до 150 000 человек.

Наступило воскресенье, 9 января, в морозной предрассветной мгле собрались демонстранты. Многочисленная группа рабочих направилась из Выборгского района к роскошной резиденции монарха – к находящемуся в самом центре города Зимнему дворцу, чьи окна выходили на место слияния Невы и Малой Невы, на собор Петропавловской крепости и Ростральные колонны на стрелке Васильевского острова.

Реки были скованы льдом. Демонстранты спустились на лед с северного берега Невы. Десятки тысяч рабочих вместе с семьями, дрожавшими от холода в своих обносках, начали шествие, неся иконы и кресты и распевая псалмы. Во главе их шел отец Гапон в церковном облачении с петицией к царю. «Государь!» – обращались к царю авторы петиции, умоляя своего «отца» Николая II (и перемешивая лесть с радикальными требованиями) дать им «правду и защиту» от «капиталистов», «грабителей русского народа».

Власти могли бы без труда справиться с подобным выступлением оппозиции, однако они предпочли прибегнуть к жестоким и неоправданным мерам. Тысячи солдат были развернуты в готовности на невском льду.

Когда демонстранты приблизились, их атаковали казаки с саблями наголо. Многие в замешательстве разбежались. Перед оставшимися стояли царские войска. Демонстранты не желали расходиться. Тогда солдаты подняли на изготовку ружья и открыли огонь. Одновременно налетели казаки, принявшиеся избивать людей нагайками. От крови стал таять лед. Обезумевшие люди кричали, метались и падали.

Когда кровавая бойня завершилась, на снегу остались лежать 1500 погибших. Этот день вошел в историю под названием Кровавого воскресенья.

Влияние этих событий на общественное мнение и на историю было огромным. В тот день мировоззрение отца Гапона полностью изменилось. По словам Надежды Крупской, «обвеянный дыханием революции» Георгий Гапон кричал в толпе выживших демонстрантов: «У нас больше нет царя!»

* * *

Тот день ускорил революцию. Новости о Кровавом воскресенье стремительно распространились по железной дороге, помчались по российским просторам в поездах, везде вызывая ярость и гнев.

По всей Российской империи прокатились стачки. Они охватили новые профессии: служащих, горничных, извозчиков. Последовали новые стычки с властями и новые смерти: около 500 человек погибло в Польше в Лодзи, около девяносто – в Варшаве. В июне вспыхнуло восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический»; причиной стало возмущение матросов тем, что их кормили испорченным мясом. В ноябре выступления народных масс происходили также в Кронштадте и Севастополе.

Царский режим отчаянно боролся с революционными настроениями. Он пытался сочетать уступки с репрессиями. Надвигавшаяся революция не только порождала жестокие репрессии со стороны властей, но и разбудила традиционный садизм крайне правых сил, чуть ли не санкционированный царским режимом.

Два года назад, в 1903 году, бессарабский город Кишинев был свидетелем первого в двадцатом веке еврейского погрома. В течение тридцати шести часов банды мародеров при полном попустительстве полиции и с благословения православных епископов устраивали кровавую бойню. Евреев, взрослых и детей, подвергали пыткам, насиловали, калечили, убивали. Одному ребенку отрезали язык. Убийцы вспарывали своим жертвам животы и запихивали туда перья. Погиб сорок один человек, почти 500 было ранено. Как заметил один из журналистов, большинство граждан, не относящихся к евреям, не выразили в этой связи «ни сожаления, ни раскаяния».

Признавая страдания кишиневских евреев, многие при этом утверждали, что те сопротивлялись недостаточно активно. Этот «позор покорности» вызвал критический анализ деятельности еврейской общины среди еврейских

радикалов. Теперь, в апреле 1905 года, когда украинские евреи Житомира ожидали очередного погрома, они были готовы на сей раз дать достойный ответ: «Мы покажем, что Житомир – не Кишинев». И когда евреи действительно оказали убийцам ожесточенное сопротивление (тем самым удалось сократить материальный ущерб и число человеческих смертей), это вдохновило еврейскую организацию Бунд выступить с заявлением: «времена Кишинева безвозвратно канули в прошлое».

Но Бунд, к большому сожалению, ошибся, и последовавшие ужасные события не преминули это продемонстрировать.

Еврейский погром в Житомире был организован черносотенцами. «Черные сотни» – различные протофашистские крайне правые объединения, возникшие в ходе событий 1905 года как реакция на революцию. Как правило, они использовали некоторые популистские лозунги, такие как перераспределение земли, защита монархии и самодержавного царя (Николай II являлся почетным членом некоторых черносотенных объединений). Наряду с этим их отличительной чертой была звериная ненависть к национальным меньшинствам, к «нерусским», и особенно к евреям. Они набирали банды уличных головорезов и имели множество высокопоставленных сторонников, среди которых можно, к примеру, упомянуть депутатов Государственной думы Александра Дубровина и Владимира Пуришкевича. Дубровин возглавлял массовую черносотенную организацию «Союз русского народа», являлся сторонником экстремистских насильственных методов и расистской идеологии, бросил врачебную практику ради борьбы с мерзостью либерализма. Владимир Митрофанович Пуришкевич был заместителем председателя «Союза русского народа». Он являлся яркой личностью, отличался бесстрашием и эксцентричностью на грани психического расстройства. Еврейский писатель Шолом-Алейхем характеризовал его как «жестокого злодея» и «самодовольного индюка». Владимир Пуришкевич искренне верил в самодержавие, дарованное России свыше. Некоторые черносотенцы, например члены секты «иоаннитов», приправляли свою расовую ненависть исступленной религиозностью, направляя православный энтузиазм против «христоубийц» и обращая безумные идеи о кровожадных евреях, иконы, эсхатологию и мистицизм на службу своим безнравственным целям.

В октябре черносотенцы совершили массовое убийство в многонациональной Одессе, погибло более 400 евреев. В Томске погромщики заблокировали все входы и выходы в доме, где проходило собрание, подожгли его и, ликуя, живьем сожгли десятки жертв, подливая в огонь бензин. Свидетелем этого злодейства

стал подросток Наум Габо, которому удалось спастись. Несколько лет спустя, будучи уже взрослым и став к тому времени ведущим скульптором своего поколения, он напишет: «Не знаю, могу ли я передать словами весь тот ужас, который охватил меня и овладел моей душой».

Этот разгул черносотенцев продолжался еще многие годы.

Пока реакционные силы продолжали творить свои кровавые дела, царь колебался, пытаясь найти компромисс. В августе 1905 года Николай II учредил Государственную думу как «законосовещательный» орган. Но запутанное положение о выборах в Государственную думу отдавало предпочтение крупным собственникам, народные массы остались недовольны таким шагом. Портсмутский договор завершил Русско-японскую войну на достаточно мягких для России (с учетом обстоятельств) условиях. Тем не менее авторитет государства за рубежом и в самой стране, среди всех классов и сословий, упал.

У оппозиции было множество разных поводов, в том числе весьма странного характера, для проявления своего недовольства режимом. В октябре 1905 года возникший в Москве конфликт по вопросу пунктуации ознаменовал завершение этого года, насыщенного революционными событиями.

Московские печатники получали оплату за каждую литеру. Теперь же рабочие издательского дома Сытина потребовали платы и за знаки препинания. Малопонятное со стороны, это типографское восстание вызвало волну симпатии, проявившейся в организации забастовок поддержки, в которых приняли участие пекари и железнодорожники, служащие некоторых финансовых учреждений. Танцоры Имперского балета отказывались выступать. Закрывались заводы и магазины, стояли трамваи, юристы отказывались вести дела, присяжные заседатели – выслушивать дела. Поезда на железных дорогах замерли, железнодорожное сообщение в стране остановилось. В Маньчжурии застряли крупные (до миллиона человек) войсковые силы. Забастовщики требовали пенсий, достойной оплаты труда, проведения свободных выборов, амнистии политзаключенных и создания представительного органа в лице Учредительного собрания.

13 октября по инициативе меньшевиков в Санкт-Петербургском практическом технологическом институте состоялась встреча около сорока представителей рабочих, эсеров, меньшевиков и большевиков. Рабочие были избраны при норме представительства один депутат от 500 человек. На этом собрании был

сформирован Петербургский Совет рабочих депутатов.

В течение трех месяцев (пока массовые аресты не положили этому конец) Петербургский Совет распространил свое влияние в народных массах, существенно укрепил позиции за счет привлечения в свои ряды множества активистов, заявил права на широкие полномочия. Он устанавливал сроки забастовок, контролировал телеграфную связь, рассматривал общественные петиции, выступал с публичными призывами. Одним из его руководителей был молодой революционер Лев Бронштейн, известный в истории как Лев Троцкий.

Льва Троцкого трудно любить, но невозможно не восхищаться им. Он был одновременно харизматичным и жестким, ярким и навязчивым, требовательным и упрямым. Он мог быть неотразимым, а мог становиться холодным и даже жестоким. Лев Давидович Бронштейн был пятым ребенком (из восьми) в обеспеченной еврейской семье, которая не отличалась строгой религиозностью и проживала на одном из хуторов Херсонской губернии (ныне Украина). К семнадцати годам он стал революционером, какое-то время увлекался идеями народников, после чего обратился к марксизму, несколько лет провел в тюрьме. Вымышленную фамилию «Троцкий» он взял в 1902 году по имени старшего надзирателя одесской тюрьмы, где отбывал срок. Лев Троцкий настолько горячо поддерживал Ленина, что его прозвали «ленинской дубинкой», однако на бурном II съезде РСДРП летом 1903 года он примкнул к меньшевикам, с которыми, впрочем, вскоре порвал. В течение этих «внефракционных» лет он неоднократно вел с Лениным раздраженную полемику по разным вопросам.

Почти все марксисты в то время считали, что Россия пока еще не была готова к социализму. Они были согласны с тем, что русская революция может (и должна) быть по своему характеру исключительно демократической и буржуазной, но (и это крайне важно) может стать катализатором для социалистической революции в более развитых странах Европы. Меньшевики в целом придерживались концепции об активной руководящей роли российской буржуазии (как указывала теория) в либеральной революции. Таким образом, вплоть до подавления революционных сил в 1905 году они выступали против участия в любом правительстве, которое могло сформироваться в результате революции. Большевики же, наоборот, утверждали, что с учетом трусливого характера либералов рабочий класс должен сам руководить революцией и в тесном союзе с крестьянством (а не с либералами) взять власть в свои руки, обеспечив, по выражению Ленина, «революционно-демократическую диктатуру пролетариата

и крестьянства».

В свою очередь, Лев Троцкий, который уже прославился как выдающийся и дерзкий теоретик революционного движения, вскоре выработает предельно четкую позицию по различным аспектам этих вопросов, сформулирует идеи, которые станут его наследием (и с которыми многие не будут согласны). Сейчас же он был активно вовлечен в деятельность Петербургского Совета, являясь участником и свидетелем работы этого нового, особого, находящегося в постоянной боевой готовности органа управления.

В деревнях революция 1905 года проявилась сначала главным образом в незаконной и бессистемной деятельности, такой как рубка государственного или помещичьего леса, а также в забастовках сельскохозяйственных рабочих. Однако уже в конце июля под Москвой состоялось совещание крестьянских делегатов и революционных элементов, которые объявили себя Учредительным собранием Всероссийского крестьянского союза. Они потребовали отмены частной собственности на землю и передачи земли в «общественную собственность».

17 октября царь, все еще не оправившийся от последних социально-политических потрясений, с большой неохотой издал «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка», назначив опытного и расчетливого консерватора графа Сергея Витте председателем Комитета министров. Идя на уступки русскому либерализму, Николай II уступил Государственной думе законодательные полномочия и предоставил ограниченное избирательное право городским рабочим мужского пола. В том же месяце состоялся учредительный съезд Конституционно-демократической партии (кадетов).

Относясь к числу либеральных партий, кадеты выступали за гражданские права, всеобщее избирательное право для мужского населения, определенную степень автономии для национальных меньшинств, умеренную земельную реформу и реформу в сфере труда. Своими корнями партия уходила в одну из версий радикального (точнее, якобы радикального) либерализма, хотя эта тенденция быстро улетучилась по мере отступления революции. К концу 1906 года двусмысленные принципы республиканского правления кадетов трансформируются в поддержку конституционной монархии. 100 тысяч членов этой партии являлись, как правило, представителями среднего класса.

Председатель партии Павел Николаевич Милюков был выдающимся историком.

В поддержку октябрьского манифеста была сформирована еще одна новая партия, составлявшая по численности примерно пятую часть партии кадетов – партия октябристов («Союз 17 октября»), в которую вошли консервативные либералы, в основном из числа земле владельцев, осторожных коммерсантов и представителей финансовых кругов. Они выступали в поддержку некоторых умеренных реформ, но были против всеобщего избирательного права как угрозы монархии и своему положению.

Революционные настроения получили новый импульс, когда в начале ноября состоялся второй, более радикальный Всероссийский съезд крестьянского союза. В губерниях центра России (Тамбовской, Курской, Воронежской), на Волге, в Самаре, Симбирске и Саратове, под Киевом, в Чернигове и в Подолье крестьянские толпы нападали на помещичьи усадьбы, часто сжигали их, грабили поместья. Революционные идеи, как электричество, распространялись по всем направлениям. Советы создавались в Москве, Саратове, Самаре, Костроме, Одессе, Баку, Красноярске. В декабре 1905 года Новороссийский совет сместил губернатора и какое-то время управлял городом.

Начавшаяся в Москве 7 декабря всеобщая забастовка переросла в городское восстание, поддержанное эсерами и большевиками (последние пошли на этот шаг скорее из сострадательной солидарности, чем хоть в какой-то степени веря в вероятность его успеха). Несколько дней московские пригороды находились в руках восставших. Рабочие перегородили улицы баррикадами, вспыхнули городские бои.

Известия о том, что из Санкт-Петербурга были переброшены верные режиму гвардейцы Семеновского полка, придали сил казакам, драгунам и правительственным войскам, действовавшим в городе. В районе Пресни были подвергнуты артиллерийскому обстрелу фабричные дружины, сформированные из рабочих текстильных мануфактур. Погибло около 250 восставших. С ними погибла и революция.

Январь 1906 года, согласно леденящему душу выражению Виктора Сержа, был «месяцем расстрельных команд». Страну накрыла волна организованных властями еврейских погромов. По сведениям Американского еврейского комитета, собранные им ошеломляющие доказательства свидетельствовали о том, что эти акты насилия унесли около 4000 жизней.

Однако революционное сопротивление, включая убийства представителей власти, продолжалось. В феврале 1906 года на железнодорожной станции города Борисоглебска 22-летняя Мария Спиридонова, член партии эсеров, стреляла в местного начальника охранного отделения, отличившегося жестокостью при подавлении крестьянских выступлений. Ей был вынесен смертный приговор, который заменили каторжными работами в Сибири. На каждой остановке по пути на каторгу Мария Спиридонова обращалась к толпам сочувствовавших ей. Даже либеральная пресса, которая не особенно жаловала партию эсеров, публиковала письма Марии Спиридоновой, в которых та рассказывала о том, как с ней жестоко обращались после покушения на жизнь полицейского. Эти публикации сделали ее знаменитой.

Карательные акции властей, которые были призваны восстановить позиции царского режима, распространились по всей стране, и моральный дух радикалов был на время подорван. К моменту, когда восстание наконец было полностью подавлено, погибло 15 000 человек, в основном из числа революционеров, 79 000 человек были брошены в тюрьмы или же сосланы на каторгу. Петр Столыпин, губернатор Саратовской губернии, печально прославился тем, что для подавления революционных выступлений часто прибегал к виселице. Петля после этого стала называться «столыпинским галстуком».

Один из лозунгов рабочего класса гласил: «Лучше пасть в борьбе, чем жить рабами».

Жестокое подавление революции 1905 года и последовавшие за этим репрессии похоронили все наивные надежды на добрую волю режима, все остатки веры в царя, а для радикалов – любые расчеты на сотрудничество с имущими классами и либеральной интеллигенцией. Для большинства этой части населения России октябрьский манифест оказался вполне достаточным для того, чтобы оправдать свою капитуляцию, и рабочий класс осознал, что теперь в своей борьбе он одинок. Для самых «сознательных» представителей рабочего класса (небольшой, но постоянно растущей группы рабочих-интеллектуалов, мастеров-самоучек и общественных активистов) понимание этого факта явилось предметом классовой гордости. Они испытывали острое стремление к знаниям и культуре, отличались дисциплинированностью и сознательностью, нетерпимостью к буржуазии. Отныне от «низов» можно было услышать все крепнувшие призывы не только к улучшению их экономического положения, но и

к уважению их достоинства. Эта новая система приоритетов проявилась, в частности, в одной из солдатских песен того времени:

Братцы солдатушки,

Бравы ребятушки,

По сему случаю

Не хотите ль чаю?

– Чаю мы желаем,

Только вместе с чаем,

Добрым обычаем,

Дайте командиров

Нам не мордобойцев[3 - На самом деле – стихотворение Федора Сологуба «За чай, за мыло. (Солдатская песня 1905 года.)].

Солдаты и рабочие требовали уважительного обращения к себе, на «вы», а не на «ты», которое власти обычно использовали при общении с ними.

В этой непростой и многогранной политической культуре гордость и стыд угнетенных классов были неразделимы. С одной стороны, рабочий Путиловского завода мог в ярости распекать своего сына, когда тот «позволил» избить себя офицерам за добрые слова в адрес большевиков. «Рабочий не должен терпеть оплеух от буржуазии, – кричал он. – Надо было ответить: «Ты ударил меня? Так вот тебе за это!» С другой стороны, один из рабочих активистов, Шаповалов, признавался, что испытывал отвращение к своим собственным попыткам пригнуться, чтобы не встретиться взглядом со своим хозяином. «Во мне словно жило два человека: тот, кто ради борьбы за лучшее будущее для рабочих не боялся сидеть в [тюрьме] Петропавловской крепости и быть сосланным в сибирскую ссылку, и другой, кто еще не полностью освободился от чувства зависимости и даже страха».

Борясь с подобными «рабскими чувствами», Шаповалов испытывал безумную гордость: «Я стал ненавидеть капитализм и своего хозяина… еще больше».

В марте 1906 года состоялось первое заседание с такой неохотой обещанной царем Государственной думы. К этому времени, однако, царское правительство почувствовало себя достаточно сильным, чтобы подрезать пока еще неокрепшие крылья парламента. После того как партия кадетов, социал-демократы (то есть марксисты) и народники в лице социалистов-революционеров, имевшие большинство в парламенте, совместно приняли программу аграрной реформы (а это было неприемлемо для режима), 21 июля 1906 года Государственная дума была распущена.

Нападения радикальных элементов на государственных чиновников продолжились, но теперь на них следовала незамедлительная жесткая реакция властей. Крестьян судили военно-полевые суды, чтобы приговоры были смертными. Царь заменил на посту премьер-министра способного графа Витте безжалостным Столыпиным, который без колебаний казнил противников режима. В июне 1907 года Столыпин в категоричной форме досрочно распустил Вторую Государственную думу, арестовал депутатов социал-демократической фракции и добился изменения избирательного закона, значительно сузив круг избирателей и одновременно предоставив избирательные льготы состоятельным лицам, а также сократив представительство в парламенте национальных меньшинств. Именно по этой новой системе в 1907 году будет избираться Третья Государственная дума, а в 1912 году – Четвертая.

Пытаясь внести какие-либо изменения в систему сельского хозяйства, царский режим принял решение покончить с «миром», крестьянской общиной, и создать слой мелких землевладельцев. Столыпин предоставил крестьянам право приобретать собственные земельные участки. Прогресс в этом направлении шел достаточно медленно; тем не менее к 1914 году (то есть спустя три года после убийства самого Столыпина) около 40 процентов крестьян вышли из «мира». Однако только некоторые из них смогли стать мелкими землевладельцами. Самые бедные были вынуждены продать свои крошечные наделы и превратиться в сельскохозяйственных рабочих или же уехать в город. Столыпин жестоко подавлял крестьянские выступления, что заставило эсеров несколько переориентироваться в своей деятельности на работу в городах.

Однако и там возможности для революционеров постоянно сокращались. В 1907–1908 годах по всей стране прошла новая волна репрессий. Стачечное движение пошло на убыль. Революционеры были вынуждены эмигрировать, влача за границей жалкое существование и чувствуя себя побежденными. К 1910 году численность РСДРП сократилась со 100 000 до нескольких тысяч

человек. Ленин, проживая сначала в Женеве, а затем в Париже, пытался сохранять какой-то оптимизм, стремясь интерпретировать любые незначительные события (экономический спад, активизацию радикальной прессы) как «переломный момент». Но даже в его душе нарастало уныние. «Наша вторая эмиграция, – вспоминала Надежда Крупская, – была куда тяжелее первой».

В рядах большевиков находилась масса информаторов. Количество преданных делу революционеров резко падало. Они бедствовали. Борцы с царским режимом были вынуждены искать любую работу, чтобы выжить. Надежда Крупская вспоминала: «Один товарищ пытался стать полировщиком». «Пытался»… Звучит горько. Среди диаспоры левых были распространены настроения отчаяния, психические заболевания, самоубийства. В Париже в 1910 году большевик Пригара, оголодавший, сошедший с ума ветеран Московского восстания, сражавшийся на баррикадах, посетил Ленина и Крупскую. Его глаза были словно остекленевшими, голос звенел. Он «принялся взволнованно и бессвязно рассказывать о колесницах, наполненных початками кукурузы, и красивых девушках, стоявших в этих колесницах». Как будто ему привиделся крестьянский рай. Вскоре Пригара ушел к своему граду Китежу. Товарищи не смогли спасти его: он привязал камни к своим ногам и к шее и утонул в Сене.

Российская империя вступила в двадцатый век великой, заспанной, полной противоречий державой. Она простиралась от Арктики до Черного моря, от Польши до Тихого океана. Ее население насчитывало 126 миллионов славян, тюрок и бесчисленное множество других национальностей, загнанных в империю различными способами. В городах действовали современные промышленные предприятия, оборудованные за счет импорта из Европы, при этом четыре пятых населения составляли крестьяне, привязанные к земле унизительными, почти феодальными методами. Работы таких художников-провидцев, как Велимир Хлебников (самопровозглашенный «Король времени»), Наталья Гончарова, Владимир Маяковский, Ольга Розанова, странная красавица русского авангарда, едва освещали край, где большинство было безграмотным. В стране жило множество иудаистов, мусульман, спиритуалистов, буддистов и вольнодумцев, а в сердце империи Православная церковь несла в народ свою мрачную и изощренную мораль, против которой восставали и различные секты, и национальные меньшинства, и сексуальные отщепенцы, и радикалы.

В произведениях «1905 год» и «Итоги и перспективы», написанных Львом Троцким вскоре после неудавшейся революции, а также на протяжении всей своей жизни он разрабатывал особую концепцию, согласно которой история представляет собой «сближение различных этапов пути, сочетание отдельных стадий, амальгаму архаичных форм с наиболее современными». По его утверждению, капитализм является международной системой, а история, эта взаимосвязь культур и государств, никогда не прибирает за собой.

Троцкий пришел к следующему заключению: «Отсталая страна ассимилирует материальные и идейные завоевания передовых стран. Но это не значит, что она рабски следует за ними, воспроизводя все этапы их прошлого… Вынужденная тянуться за передовыми странами, отстала страна… усваивает готовое раньше положенных сроков, перепрыгивая через ряд промежуточных этапов… [хотя при этом она] нередко снижает заимствуемые ею извне готовые достижения путем приспособления их к своей более примитивной культуре… Из универсального закона неравномерности вытекает другой закон, который… можно назвать законом комбинированного развития».

Теория «неравномерного и комбинированного развития» предполагала возможность скачка, пропуска различных исторических этапов; то есть допускалось, что самодержавный режим может быть низложен без посредника в виде буржуазного правления. Перефразируя термин, позаимствованный у Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Лев Троцкий взывает к «перманентной революции». Он не был единственным из левых, кто использовал этот термин (в частности, он опирался на работы весьма неординарного белорусского марксиста Александра Гельфанда, Парвуса, а также работы других марксистских теоретиков, разрабатывавших аналогичные концепции), однако стал самым известным; кроме того, он осуществил важную разработку соответствующей концепции.

По утверждению Троцкого, в такой отсталой стране, как Россия, где буржуазия слаба, она неспособна совершить буржуазную революцию, которая обеспечила бы рабочему классу достижение своих целей. Но разве может рабочий класс отказаться от своих требований? Он обеспечит себе победу, разрушив капиталистическую собственность и выйдя за рамки «буржуазных» достижений. Лев Троцкий в то время был не единственным марксистом, который считал, что, если рабочий класс находится у руля «перманентной революции», она должна выйти за рамки капитализма, однако он не усматривал в этом потенциальной катастрофы, как многие другие, и относился к такой перспективе с большим

энтузиазмом. Для Троцкого, как и для большинства русских марксистов, международный аспект представлялся крайне важным. «Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата, – писал он сразу же после событий 1905 года, – рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру».

В мрачные дни после поражения революции 1905 года некоторые меньшевики стали допускать возможную необходимость участия партии «против своей воли» в работе правительства и без всякого оптимизма оценивали партийные перспективы в том случае, если не возникнет никаких новых исторических факторов. Они продолжали считать, что рабочий класс должен объединиться с либеральной буржуазией, за коей все еще признавали ключевую роль, и выискивали подходящих буржуазных радикалов, которые (по выражению одного из лидеров меньшевиков Александра Мартынова), даже если и будут «субъективно» против революции, но «объективно, сами не желая того», послужат делу революции. Занимая более левые позиции, большевики вместо этого выступали за «демократическую диктатуру рабочих и крестьян». Обе стороны расценивали «прогрессивную» буржуазно-демократическую революцию как весьма желательную, но почти недостижимую долгосрочную цель. Таким образом, большинство воспринимало «перманентную революцию» Троцкого как скандальное чудачество.

В мае 1912 года рабочие крупных, финансировавшихся англичанами приисков Ленского золотопромышленного товарищества под Иркутском, которые находились фактически на положении крепостных и жили в грязных, переполненных бараках, вышли на забастовку. Они требовали увеличения зарплаты, увольнения ненавидимых ими служащих администрации приисков и (вновь проявилась увязка экономических и политических требований) восьмичасового рабочего дня. На пути шествия забастовщиков были развернуты войска. Руководство золотопромышленного товарищества потребовало принятия мер. Войска открыли огонь. Погибло около 270 рабочих Ленских золотых приисков. Эти события стали называться Ленским расстрелом.

В Москве и Санкт-Петербурге прошли крупные стачки в знак поддержки рабочих Ленских золотых приисков и осуждения расправы над мирным шествием. Стало вновь набирать силу стачечное движение. В 1914 году в столице состоялась всеобщая стачка, масштабы которой поставили под вопрос возможность

мобилизации накануне (как все понимали) приближавшейся войны, неизбежной в связи с острыми конфликтами между великими державами.

Многие общественно-политические деятели России осознавали, что царский режим был не в состоянии вести войну или пережить ее неминуемые последствия. В феврале 1914 года в своей знаменитой «Записке» консервативный государственный деятель, бывший министр внутренних дел России Петр Дурново предостерег царя, что при неблагоприятном для России течении войны в стране начнется революция. Однако его мнение было проигнорировано. В российской элите соперничали друг с другом прогерманская и антигерманская фракции, однако обращенные на восток интересы России, ее союз с Францией и экономические связи с ней обусловили выступление России против Германии. С определенной неохотой, после обмена срочными, вежливыми телеграммами между «Ники» и «Вилли» (императором России Николаем II и императором Германии Вильгельмом II), в которых они оба пытались предостеречь друг друга от военных шагов, вскоре после начала (15 июля 1914 года) военных действий в Европе Николай II вверг Россию в войну.

После этого в России наблюдалась обычная в подобных ситуациях волна патриотизма и верноподданнических чувств, сплочение легковерных, отчаявшихся и политически несостоятельных. «Все, – сообщала поэтесса Зинаида Гиппиус, – посходили с ума». Демонстранты громили немецкие магазины. В Санкт-Петербурге толпа взобралась на крышу немецкого посольства и сбросила вниз две огромные скульптуры лошадей, которые, грохнувшись на землю, превратились в изувеченные бронзовые крупы. Русские, имевшие несчастье получить при рождении немецкие имена, бросились менять их. В августе 1914 года имя столицы «Петербург» изменили на более славянское «Петроград»; в семиотическом протесте против подобного идиотизма местные большевики сохранили название «Петербургский комитет».

К северо-востоку от центра города в Таврическом дворце с большим куполом 26 июля 1914 года депутаты Государственной думы проголосовали за выделение военных кредитов, за государственные займы для финансирования предстоявшей резни. Либералы вновь дали забывчивому режиму торжественное обещание обеспечить модернизацию страны, в проведении которой заключался их смысл существования. «Мы ничего не требуем, – жеманно улыбался лидер кадетов Павел Милюков, – и не навязываем никаких условий».

Не только правые выстраивались в шеренгу для выражения поддержки войны. Популярная среди крестьянства фракция «трудовиков» (умеренной левой организации «Трудовая группа», связанной с эсерами) предписывала крестьянам и рабочим, по выражению глашатая этой фракции, яркого адвоката Александра Керенского, «защитить нашу страну, а затем освободить ее». Знаменитый анархист князь Петр Кропоткин лично поддерживал ведение боевых действий. Эсеры разделились по данному вопросу: хотя многие партийные активисты, в том числе Виктор Чернов, выступали против войны, значительная часть партийной интеллигенции (в том числе легендарная Екатерина Брешко-Брешковская, называемая «бабушкой революции») поддержала военные усилия России. Никто из марксистов не остался в стороне от этого вопроса. Абсурд, но почтенный Георгий Плеханов говорил Анжелике Балабановой, одному из лидеров итальянских социалистов: «Если бы я не был стар и болен, то пошел бы в армию. Мне доставило бы огромное удовольствие поднять на штык ваших немецких товарищей».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Пер. Е. Суриц.

2

Выражение из «Гамлета»; пер. Б. Пастернака.

3

На самом деле – стихотворение Федора Сологуба «За чай, за мыло. (Солдатская песня 1905 года.)

Купить: https://tellnovel.com/chayna-mevil/oktyabr

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити